

Г. Е. КОЛЫВАНОВ

КАФЕДРА ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ
АПОЛОГЕТИКИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМИИ (1870–1903) В ЛИЦЕ
Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

*Элементарную физику читал
Дмитрий Феодорович Голубинский,
но образ и поведение этого святого человека
смуцал и очищал совесть многих¹*

Конец 60-х годов XIX века в истории духовного образования в России ознаменовался широкомасштабной реформой. В 1867 г. были приняты новые Уставы Духовных семинарий и училищ, а в 1869 году — новые Уставы Духовных академий. Преобразования способствовали развитию богословских и церковно-исторических наук в России. В то же время, как отмечает прот. Георгий Флоровский, при проведении реформы «странным образом не была понята внутренняя потребность богословской науки в изучении точных и естественных наук. Именно в те годы, когда во имя этих наук открыт был подлинный поход против христианского мировоззрения и против всякой веры вообще, было в особенности своевременно обратить самое серьезное внимание на изучение естественных наук»². Этот пробел попыталась частично заполнить Московская духовная академия. В 1870 году в Академии была создана сверхштатная кафедра Естественнаучной апологетики, просуществовавшая до 1903 года. История создания и функционирования этой кафедры неотделима от жизни ее единствен-

¹ Из вступительной статьи профессоров МДА к юбилейному сборнику: Памяти почивших наставников 1914. С. VI.

² Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 362.

ного за всю историю существования преподавателя — Дмитрия Федоровича Голубинского.

1. ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Дмитрий Федорович родился 19 мая 1832 года в Сергиевом Посаде. Отец его, известный религиозный философ протоиерей Феодор Александрович Голубинский, занимал должность профессора Московской духовной академии. Супруга протоиерея Феодора Анна Ивановна была сестрой профессора Московской духовной академии, а затем протопресвитера московского Архангельского собора В. И. Кутневича³. 22 мая 1832 г. младенец был крещен в Христорожественской церкви Сергиева Посада⁴. Всего у четы протоиерея Феодора и Анны Голубинских было девять детей, из которых пятеро умерли маленькими, а долгую жизнь прожил лишь один Дмитрий.

В детстве значительное влияние на Дмитрия оказывала бабушка по линии матери Мариамна Петровна Кутневич (в девичестве Куторга)⁵. Кутневичи родом были из Белоруссии. Отец Мариамны Петровны Петр Куторга был сподвижником и секретарем святителя Георгия (Конисского). Бабушка хорошо помнила святителя Георгия (Конисского) и охотно рассказывала внукам о прошлом. О родословии своей семьи Д. Ф. Голубинский рассказывает в своих воспоминаниях, которые он начал было писать в конце жизни⁶. Мать Дмитрия Федоровича скончалась в январе 1841 года⁷. Протоиерей С. С. Модестов, обучавшийся в Московской духовной академии с 1852 по 1856 год, ошибался, когда вспоминал: «Когда мы поступили в Академию, Феодор Александрович был уже вдовий. Супруга его не очень давно перед этим сконча-

³ Феодор Александрович Голубинский окончил Московскую духовную академию в 1818 году и был оставлен при ней бакалавром. В брак вступил в 1827 году. Священный сан принял в 1828 году.

⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 972. Л. 2.

⁵ Скончалась в 1847 году.

⁶ Голубинский Д. Ф. Из моих воспоминаний // ДЧ. 1901. № 12. С. 556–559.

⁷ Глаголев 1914. С. 27.

лась, так что наши старшие студенты помнят эту добрейшую старицу, необычайно радушно во всякое время принимавшую студентов, приходивших к Феодору Александровичу за книгами, нужными для сочинений, и за советами, в которых он никому не отказывал»⁸.

Дмитрий Голубинский не посещал духовное училище, получая домашнее образование под руководством отца. Именно отец оказал наиболее сильное влияние на формирование личности Дмитрия. Димитрий Федорович всегда высоко чтит своего родителя — и как отца, и как профессора, и как священнослужителя, старался во всем подражать ему. Впоследствии сам Дмитрий Федорович вспоминал об отце: «Блаженной памяти Родитель мой, Протоиерей Феодор Александрович Голубинский, тридцать шесть лет (1818—1854) преподавал философские науки в Московской духовной академии. Он усердно старался возбуждать и поддерживать в нас верность учению и постановлениям православной Церкви. Вместе с тем он заботился о развитии в нас здравых взглядов на явления видимого мира, указывая в них следы премудрости и благодати Божией. Уроки и наставления Родителя сохраняются в душе моей...»⁹.

В 1844 году в двенадцатилетнем возрасте Дмитрий Голубинский поступил в Вифанскую духовную семинарию¹⁰, а 1850 году окончил ее. Когда праздновалось столетие со дня основания Вифанской семинарии (10—11 ноября 1897 года), среди почетных гостей на этом торжестве был и профессор Дмитрий Федорович Голубинский. В своей речи¹¹ он вспоминал годы своего обучения в Вифанской семинарии. Среди своих семинарских наставников Дмитрий Федорович отметил Михаила Дмитриевича Никольского, Александра Семеновича Милованова, Александра Григорьевича Никольского, Дмитрия Васильевича Разумовского, Алексея Иосифовича Ключарева¹² и Василия Петровича

⁸ *Модестов 1914. С. 118.*

⁹ *Голубинский 1895. С. 2.*

¹⁰ В духовные семинарии поступали в то время в 14—18-летнем возрасте. 12-летний воспитанник — исключение из правил.

¹¹ Речь опубликована в «Сборнике, изданном по случаю столетия Вифанской Духовной семинарии» (СТСЛ, 1900. С. 87—92).

¹² Впоследствии Амвросий, архиепископ Харьковский. Знаменитый проповедник, духовный писатель.

Нечаева¹³. В Семинарии Дмитрий Голубинский учился прекрасно и окончил ее в первом разряде вторым по списку¹⁴.

Во время учебы Дмитрий увлекался физико-математическими науками. Во время обучения в Вифанской семинарии эти науки преподавал в ней Дмитрий Васильевич Разумовский, впоследствии протоиерей московской Георгиевской-на-Всполье церкви и профессор Московской консерватории, известный церковный композитор, исследователь церковного пения. О его преподавании Дмитрий Федорович вспоминал такими словами: «Профессор физико-математических наук Дмитрий Васильевич Разумовский, изложив другие части своей науки, обратил особенное внимание на Пасхалию и объяснял ее так отчетливо, что возбуждал в учениках большую охоту к занятиям сим предметом. Лекции по физике начал он словами Апостола о Боге: *невидимое Его вечная, вечная сила Его и Божество, от создания мира, чрез рассматривание творений видимы*¹⁵. Далее Дмитрий Васильевич объяснял нам то, как должен Священник для научения прихожан пользоваться разными явлениями видимой природы»¹⁶. Дмитрий Васильевич очень увлекался также ботаникой. В 1847 году он женился на родной сестре Дмитрия Федоровича Голубинского Марии Федоровне. Скончался же он в 1890 году. Дмитрий Федорович после кончины протоиерея Разумовского вспоминал о его исключительной доброте: «Многое из добрых дел протоиерея Дмитрия Васильевича сокрыто. Но и того, что нам известно, достаточно, чтоб иметь понятие о его совершенной нестяжательности, редкой доброте души и постоянной готовности помочь всякому нуждающемуся. Покойный директор Московской консерватории Н. Г. Рубинштейн говаривал: «Нам все равно сколько ни платить *батюшке*, — разумелся именно Д. В. Разумовский, — потому что гонорар за свои профессорские занятия в Московской консерватории он оставит у нас же на пользу недостаточных учеников...»¹⁷. Дмитрий Федорович

¹³ Впоследствии Виссарион, епископ Костромской. Известный проповедник и духовный писатель.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4943. Л. 14.

¹⁵ Рим. 1, 20.

¹⁶ Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской Духовной семинарии. СТСЛ, 1900. С. 90.

¹⁷ Памяти протоиерея Д. В. Разумовского. Б.м., 1890. С. 131.

вспоминал, что «сам испытывавший в жизни немало скорбей, протоиерей Дмитрий Васильевич умел и других утешать в скорбях. “Успокойся, оставь это без внимания”, — так иногда по своей опытности говорил он смущенному человеку, а после тот убеждался, что смущения его были напрасны и что действительно лучшим средством от случайных неприятностей было то, чтобы не обращать на них внимания»¹⁸.

Будучи воспитанником семинарии, Дмитрий Голубинский принял 26 сентября 1848 года хиротесию во чтеца¹⁹. Впоследствии ежегодно, облачаясь в стихарь, Дмитрий Федорович читал паремии на всенощной праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Он завещал похоронить себя в стихаре, что и было исполнено.

В 1850 году Дмитрий Голубинский стал студентом Московской духовной академии (19 курса). Уже приемные экзамены в Академию выявили его незаурядную способность к физико-математическим наукам. На экзамене по этим наукам он получил балл «отлично хорошо», тогда как на остальных экзаменах либо «очень хорошо», либо «хорошо»²⁰. Среди однокурсников Дмитрия Голубинского были Александр Лавров-Платонов²¹, Филарет Сергиевский²², иеромонах Михаил (Лузин)²³, будущий митрополит и экзарх Болгарский Анфим (Чальков). Обучаясь в Академии, Дмитрий Федорович наилучшие успехи, помимо физико-математических предметов, выказал во французском и еврейском языках (по этим предметам он оказался первым в итоговых списках)²⁴. Очень хорошие успехи Дмитрий Голубинский

¹⁸ Там же. С. 131.

¹⁹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 972. Л. 1 об.

²⁰ Там же. Д. 4943. Л. 8.

²¹ Затем профессор Московской духовной академии, принял монашество с именем Алексей, скончался в сане архиепископа Литовского. Дмитрий Федорович Голубинский является автором статьи «Памяти Высокопреосвященнейшего Алексея (Лаврова-Платонова), архиепископа Литовского», изданной затем отдельной брошюрой (М., 1891).

²² Затем профессор Московской духовной академии, ректор Вифанской духовной семинарии.

²³ Затем профессор и ректор Московской духовной академии, ректор Киевской духовной академии, скончался в сане епископа Курского, известный библиеист.

²⁴ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 4943. Л. 24, 50.

показал также в изучении немецкого и древнегреческого языка. В это время на кафедре Физико-математических наук еще преподавал протоиерей Петр Спиридонович Делицын, занимавший эту кафедру на протяжении 45 лет (1818—1863 гг.). Протоиерей Делицын оказал сильное влияние на Дмитрия Федоровича Голубинского. Впоследствии Дмитрий Федорович опубликовал в 22 томе академического журнала «Прибавления к творениям святых отцов» «Воспоминания об академических занятиях профессора Московской Духовной Академии прот. П. С. Делицына». Вторым преподавателем этой кафедры был бакалавр Александр Николаевич Сергиевский (1850—1854 гг.).

Во время обучения в Академии Димитрий Федорович потерял своих братьев. В 1852 году от чахотки умер брат Сергей, тоже студент Московской духовной академии. На похоронах простудился младший брат Петр, учащийся Вифанской семинарии, и через три дня также скончался. Святитель Филарет Московский, узнав о новой потере о. Феодора Голубинского, писал ему:

Честнейший отец протоиерей!

С соболезнованием узнал я о новом лишении, которым угодно Господу испытать ваше родительское сердце. Что сотворим? Что иное, как разве повинимся Отцу духовом, да живи будем? Надеюсь, что так и расположен дух ваш. Да укрепится он и да сохранит в скорби столько мира, чтобы не слишком потрясена была немощная плоть. Ныне время показать плод любомудрия, много лет вами проповедуемого, и не поколебаться лишением видимого и временного, в созерцании невидимого, во уповании вечного. Усердно молю Бога ниспослать вам свыше помощь, и утешение, и мир²⁵.

Из детей протоиерея Феодора Голубинского остались в живых лишь сын Дмитрий и дочь Мария, выданная, как выше говорилось, в 1847 году за преподавателя Вифанской духовной семинарии Дмитрия Васильевича Разумовского. Мария Федоровна скончалась в 1858 году.

В 1854 году Димитрий Голубинский окончил Московскую духовную академию пятым по списку магистром. Всего же курс окончили 49 чело-

²⁵ *Глаголев 1914. С. 29.*

век, из них 20 со степенью магистра богословия. Магистерское сочинение Дмитрий Федорович написал на тему «Обезбрачии». Оно осталось неопубликованным. В степени магистра богословия Д. Ф. Голубинский был утвержден Святейшим Синодом 31 августа 1855 года²⁶.

2. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

После окончания Академии Дмитрий Федорович был оставлен при ней в должности бакалавра физико-математических наук, сменив Николая Александровича Сергиевского, рукоположенного в священники к московской церкви Петра и Павла на Басманной, занявшего затем кафедру профессора богословия в Московском университете. По воспоминаниям бывшего студента Московской духовной академии (1854–1858) Ивана Кузьмича Смирнова, «после франтоватого бакалавра, священника Ник. Ал. Сергиевского, переведенного в Московский университет профессором богословия (он был и редактором журнала “Православное обозрение”), преподавал физику с геометрией сын Ф. А. Голубинского Дмитрий Федорович, скромнейший и усерднейший производитель опытов по физике в кабинете и аудитории»²⁷.

Когда Дмитрий Федорович окончил Академию и было принято решение оставить его при ней бакалавром кафедры Физико-математических наук, его отец профессор-протоиерей Феодор Голубинский, здоровье которого к тому времени несколько пошатнулось, подал в отставку с должности профессора Академии. Поехав на родину в Кострому посетить могилы родных, о. Феодор 22 августа того же года скончался в Костроме от холеры. Незадолго до смерти он написал такое стихотворение²⁸:

²⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 972. Л. 4.

²⁷ Иван Кузьмич Смирнов после окончания Московской духовной академии преподавал в Томской духовной семинарии, затем перешел на службу по ведомству Министерства народного просвещения. Последние годы жизни состоял причисленным к министерству. Действительный статский советник. Духовный писатель, мемуарист. Скончался в 1912 году.

²⁸ У Троицы в Академии 1914. С. 87.

Уже мои слабеют силы,
 Язык тупеет, ноги хилы,
 Я перестал ходить
 В урочный час других учить;
 Ищу досуга сам учиться,
 Как с грешным миром распоститься...
 Полвека я наукам посвятил,
 В гостинице земной довольно погостил,
 Пора вставать и в путь собираться!
 Пора домой, не век скитаться,
 Пусть тою же, как я, тропой
 В цветник наук во след за мной
 Походит сын любезный мой!
 А я уж плуг повесил свой.

9 октября 1854 года Дмитрий Федорович Голубинский был официально зачислен на духовно-учебную службу, которой он посвятил все последующие 49 лет своей жизни. Дмитрий Федорович снял небольшой домик вблизи Ильинской церкви в Сергиевом Посаде, в котором и прожил до самой своей кончины. В 1859 году Голубинскому было назначено 90 рублей в год квартирных денег из духовно-учебного капитала²⁹. Физико-математические предметы в это время изучались не всеми студентами Академии. Студенты должны были выбирать между физико-математическими предметами и историей раскола. Голубинский преподавал очень усердно. Характерной чертой его преподавания был частая постановка опытов перед аудиторией в физическом кабинете. Все опыты он предварительно несколько раз производил в одиночестве, прежде чем производить их публично. Один из учеников Д. Ф. Голубинского протоиерей С. С. Модестов вспоминал: «Он был любимец всей академической корпорации и студентов за свою кротость и бескорыстие, человек глубоко искренне религиозный. По степенному виду, по интонации голоса и речи, неспешной и глубоко обдуманной, он вполне походил на своего знаменитого родителя»³⁰.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 10.

³⁰ Модестов 1914. С. 117–118.

10 февраля 1864 года Дмитрий Федорович Голубинский «по вниманию к отлично-усердной его службе определен действительным членом конференции Академии»³¹. 23 сентября того же 1864 года «в ознаменование совершения пятидесятилетнего юбилея Московской Духовной Академии и в воздаяние отлично-ревностной его службе при Академии удостоен звания ординарного профессора»³².

В 1862 году Д. Ф. Голубинский впервые выступил перед широкой общественностью как апологет. В этом году в Петербурге была издана переведенная с немецкого языка книга доктора Циммермана «Об электричестве и магнетизме». Дмитрий Федорович, всегда с интересом следивший за литературными новинками, не замедлил познакомиться с этой книгой и был возмущен некоторыми мнениями, высказанными ее автором. Так, Циммерман утверждал, будто «нельзя не согласиться с тем, что ковчег (кивот) был сильным электрическим аппаратом, который заряжается атмосферным воздухом чрез посредство деревянных столбиков скинии завета»³³, что «исследования великих ученых антиквариев положительно доказали, что еврейские жрецы имели некоторые сведения об атмосферном электричестве и даже применяли к достижению своих целей»³⁴. Голубинский решил опровергнуть гипотезу Циммермана и подошел к этой задаче с присущей ему тщательностью. Он даже провел в физическом кабинете Московской духовной академии опыт, показавший несостоятельность гипотезы Циммермана относительно ковчега завета. В результате появилась из-под пера Дмитрия Федоровича и была в том же 1862 году опубликована в Москве его первая книга «Разбор и опровержение ложного мнения о кивоте завета (Против книги Циммермана “Об электричестве и магнетизме”»³⁵. В своей книге Д. Ф. Голубинский показывает несостоятельность мнений о том, что в древности было многое известно об электричестве. Также он объясняет несостоятельность сравнения ковчега завета с

³¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 10.

³² Там же.

³³ Голубинский Д. Ф. Разбор и опровержение ложного мнения о кивоте завета (Против книги Циммермана «Об электричестве и магнетизме»). М., 1862. С. 1.

³⁴ Там же. С. 2.

³⁵ Опубликована также в: ПрибТСО 21. 1862. Кн. 2. С. 224–227 (1-я пагин.)

электрическим прибором, а также несостоятельность способа, с помощью которого, по мнению Циммермана, в ковчеге вырабатывалось электричество. Наконец, Дмитрий Федорович показывает несостоятельность предлагаемых немецким автором объяснений чудес, совершившихся при скинии.

В 1863 году в «Душеполезном чтении» появилась обширная апологетическая статья Д. Ф. Голубинского «Христианское размышление об устройстве земли. Вид земли, ее поверхность и внутренность. Море. Горы. Подземный огонь. Воздух». Дмитрий Федорович старался показать целесообразность устройства мира, свидетельствующую о творческом замысле Создателя. В таком же духе была написана статья «О кругообращении атмосферы», опубликованная в вышедшем в 1866 году сборнике, изданном по случаю пятидесятилетия Московской духовной академии. В последующие годы появляются в «Душеполезном чтении» статьи Д. Ф. Голубинского «Осенняя пора», «Замерзание воды», «О различии климатов», «О воздушной влаге», «Облака», «Дождь и снег». В 1865 году Дмитрий Федорович впервые в своей публицистике обращается к календарной проблеме, публикуя в «Душеполезном чтении» статью «О времени празднования Пасхи в Православной Церкви и у западных христиан».

3. ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КАФЕДРЫ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЙ АПОЛОГЕТИКИ В МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

В 60-е годы XIX века на повестку дня встает вопрос о реформировании духовного образования, в том числе духовных академий. Назначенный в 1865 году обер-прокурором Святейшего Синода граф Дмитрий Андреевич Толстой считал, что духовные академии в соответствии с духом времени должны быть исключительно богословскими учебными заведениями. Эту мысль он высказал, в частности, летом 1867 года ректору Московской духовной академии протоиерею Александру Васильевичу Горскому. Горский однако был убежденным сторонником мнения, что для образования богослова желательны познания в светских науках.

Поэтому он «со всею энергиею стал объяснять и доказывать обер-прокурору, сколь для полноты богословского образования необходимо преподавание в Академии светских наук». Этот спор окончился словами Д. А. Толстого: «По крайней мере, Вы не убедите меня в необходимости преподавания математики в Академиях»³⁶.

В апреле 1868 года протоиерей Александр Васильевич Горский, по воспоминаниям Д. Ф. Голубинского, «получил письмо от ректора Санкт-Петербургской Академии протоиерея Иоанна Леонтьевича Янышева и желал в ответном письме написать нечто в защиту физико-математических наук. А потому и поручил мне представить записку об этом предмете». Дмитрий Федорович вскоре представил требуемую записку, озаглавленную «О необходимости преподавания физико-математических наук в Духовных Академиях», «и после забыл о сем»³⁷. Впоследствии профессор Московской духовной академии Николай Иванович Корсунский нашел эту записку в архиве Горского и опубликовал ее в газете «День»³⁸.

В записке «О необходимости преподавания физико-математических наук в Духовных Академиях» Дмитрий Федорович убеждал, что эти науки ни в коем случае не следует исключать из академических программ. Он отмечал существенную важность физико-математических наук для целей апологетики: «Священное Писание научает нас, что рассматривание видимой природы должно вести к Богопознанию, это учение раскрывается и отцами Церкви. К Богопознанию должно вести как простое рассматривание природы, так, даже более, научное исследование ее. Много можно указать примеров, как естествоиспытатели, особенно в прежнее время, руководствовались этим взглядом на природу и раскрывали его»³⁹. Дмитрий Федорович указывал на то, что естественные науки необходимы при изучении богословия и библеистики: «Можно указать много мест из Священного Писания, при объяснении которых нужно принимать во внимание физические

³⁶ Голубинский 1900. С. 103.

³⁷ Там же. С. 104.

³⁸ День. 1894. № 41.

³⁹ Глаголев 1914. С. 119–120.

сведения. Много бывает случаев, когда исследования богословских и других наук соприкасаются с вопросами из астрономии, пасхалии»⁴⁰. Наконец, автор «Записки» указывал на то, что упразднение кафедры Физико-математических наук в духовных академиях затруднит подготовку квалифицированных преподавателей по этим предметам для духовных семинарий. Мысли, изложенные Дмитрием Федоровичем в «Записке», встретили полное одобрение со стороны протоиерея Александра Васильевича Горского.

Летом 1868 года в печати появился проект нового Устава духовных академий. Напечатан он был в издававшейся Министерством внутренних дел газете «Северная Почта»⁴¹. Этот проект не предусматривал сохранения в духовных академиях кафедры Физико-математических наук. Однако в Санкт-Петербургской духовной академии, согласно девятой главе проекта Устава, должно было открыться особое отделение физико-математических наук. Впоследствии Комитет, работавший над Уставом, отказался от идеи создания такого отделения из-за отказа обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого его финансировать.

Один из виднейших иерархов того времени святитель Иннокентий (Вениаминов) был сторонником того, чтобы в духовных учебных заведениях изучались естественнонаучные предметы. Об этом святитель писал в 1858 году в своей записке «Несколько мыслей касательно воспитания духовного юношества». В семинариях он считал необходимым оставить преподавание медицины, «но вместо учения оной по лечебникам учить прямо анатомии, как следует, и затем отчасти и другим предметам медицинским так, чтобы всякий священник, имея достаточные и основательные понятия о составе человеческого тела и некоторых врачествах и способах врачевания, мог бы подавать правильные советы и пособия нуждающимся»⁴².

Однако изучение медицины, по мнению святителя, было бы недостаточным. «Воспитанник, выучивший анатомию, может познать толь-

⁴⁰ Там же. С. 120.

⁴¹ Северная почта. № 145, 146.

⁴² Письма Иннокентия, митрополита Московского и Коломенского. Кн. 3. 1865–1878. СПб., 1901. С. 377.

ко самого себя (*cognosce te ipsum*); но, по мнению моему, — пишет святитель, — этого еще мало, ему надобно еще достигать познания о Творце Своем из Его творений. Я хочу сказать, что кроме медицины в семинариях наших нужно преподавать и некоторые предметы из естественных наук, прибавив для сего два года к курсу семинарскому. Иначе воспитанники наши с обыкновенными познаниями, приобретаемыми в семинариях и даже академиях, всегда людям светским будут казаться людьми мало образованными, если еще не хуже; и это так и должно быть, потому что в нынешнем свете почти никогда не заводят речи и не желают слышать о предметах духовных и религиозных, которые воспитанники наши знают иногда превосходно. Следовательно, им негде показать себя, кроме проповеди, которые также слушаются очень немногими.

Но когда бы воспитанники наши, при своих познаниях о духовных предметах, имели бы достаточные и верные познания в науках естественных, тогда они могли не только поддерживать в обществах многие интересные разговоры, но и могли иногда направлять их в духовную пользу, особливо если притом сердце их будет избыточествовать если не любовью, то, по крайней мере, желанием добра беседующим»⁴³.

Димитрий Феодорович Голубинский был хорошо знаком с мнением святителя Иннокентия. Поэтому полученная в январе 1868 года весть о назначении Иннокентия митрополитом Московским воодушевила его. Впоследствии он вспоминал: «1868 года 10 января, при начатии учебных дел, я был у Александра Васильевича⁴⁴ и узнал, что на кафедре Митрополита Московского назначен Архиепископ Иннокентий. Вдруг пришел мне на мысль упомянутый выше проект его, и я сказал, что поэтому от него можно ожидать защиты физико-математических наук. А. В. с сочувствием принял эти слова»⁴⁵.

19 ноября 1868 года Димитрий Федорович получил от святителя Иннокентия благословение преподавать естественные науки, чтобы преподавание было направлено к апологетической цели. Впоследствии

⁴³ Там же. С. 377–378.

⁴⁴ Прот. А. В. Горского.

⁴⁵ *Голубинский 1900*. С. 103.

сам Д. Ф. Голубинский так вспоминал об этом: «1868 года 19 ноября исполнился год по кончине Митрополита Филарета. К этому дню в Лавру приехал Митрополит Иннокентий. Помянув своего предшественника, вечером Владыка был у отца Ректора. Приглашены были и все мы. Дорог и памятен для нас этот вечер! Владыка долго беседовал о миссионерстве, а потом речь перешла к физико-математическим наукам. И Митрополит, и А. В. (Горский) согласно признавали необходимость того, чтобы в Академиях продолжалось преподавание сих наук, но по сем заметили, что преподавание физики и космографии должно быть направлено к апологетической цели. Владыка сказал мне: “Эта прямая ваша обязанность”»⁴⁶. Дмитрий Федорович воспринял слова митрополита как благословение на пожизненное преподавание естественнонаучной апологетики.

8 февраля 1869 года торжественно праздновалось пятидесятилетие Санкт-Петербургского университета. Митрополит Иннокентий направил для участия в юбилейном торжестве протоиерея Александра Васильевича Горского. Горский пробыл тогда в Петербурге довольно долго. Его привлекли дополнительно к участию в деятельности Комитета по разработке нового Устава духовных академий. Среди изменений, внесенных в ранее опубликованный проект, было следующее дополнение: «С разрешения Святейшего Синода, по усмотрению нужды, могут быть вводимы и новые предметы сверх поименованных, а также вообще делаются изменения в учебной части Академии»⁴⁷. Дмитрий Федорович Голубинский вспоминал впоследствии: «Об этом параграфе говорили тогда, что своим происхождением он всецело обязан Александру Васильевичу. То есть, участвуя в заседаниях Комитета, А. В. по ходу дела видел, что преподавание математики не могло уже быть удержано в нашей Академии, как это было прежде; но он желал, чтобы открыта была кафедра Естественных наук. Для беспрепятственного достижения этой цели он предложил Комитету, чтобы в новый Устав внесен был таковой параграф. И это было принято»⁴⁸.

⁴⁶ Там же. С. 104.

⁴⁷ Устав 1869 г. § 115; Устав 1884 г. § 104.

⁴⁸ Голубинский 1900. С. 105.

Новый Устав духовных академий был утвержден императором Александром II 30 мая 1869 года. Однако введение его в действие в Московской духовной академии отложено было на год. 1869/1870 учебный год в Академии прошел по-старому. Дмитрий Феодорович Голубинский не терял надежды на возможность открытия в Академии кафедры Естественных наук⁴⁹. 1 декабря состоялся разговор между протоиереем Александром Васильевичем Горским и Д. Ф. Голубинским. Во время этого разговора Горский благословил Дмитрия Феодоровича представить проект кафедры. К концу декабря проект был представлен. Представленный проект Горский «рассмотрел внимательно и говорил, что главная цель предполагаемой кафедры должна быть апологетическая». В соответствии с этим указанием Дмитрий Феодорович исправил проект и вновь представил его во время Великого поста 1870 года. Этот проект получил одобрение Горского. Дмитрий Феодорович вспоминал впоследствии: «Александр Васильевич благословил меня отправиться в Санкт-Петербург для личного объяснения дела Митрополиту Иннокентию⁵⁰, к которому потом дал мне большое письмо. 1870 года, апреля 16 приехал я в Санкт-Петербург, а 19 вечером я явился к Митрополиту Иннокентию. В это время беседовал с ним Константин Петрович Победоносцев. Помню, с какой радостью Владыка вспоминал о совершившемся 25 января сего года открытии православного миссионерского общества. Когда окончилась их беседа, подал я Владыке письмо Александра Васильевича, который, как известно, писал мелко. А потому Владыка сказал: “Трудно мне читать его письма, конечно здесь секретов нет, прочитайте сами”. Читаю, и мне становится весьма совестно, потому что А. В. в этом письме очень хвалил меня. Владыка благосклонно принял мое дело, выслушал и чтение проекта, и со всею готовностью обещал дать средства для новой ака-

⁴⁹ В связи с грядущим упразднением кафедры физико-математических наук протоиерей Александр Васильевич Горский предложил Дмитрию Феодоровичу занять другую вакантную кафедру. Второй преподаватель кафедры бакалавр Николай Яковлевич Фортинский, преподававший с 1864 года, в связи с упразднением кафедры в 1870 году перешел на должность законоучителя 4-ой Московской военной гимназии.

⁵⁰ Митрополит Иннокентий находился тогда в Петербурге для участия в заседаниях Синода.

демической кафедры. Скоро по возвращении домой явился я к А. В., который с большой радостью встретил принесенную мною весть»⁵¹.

21 июня 1870 года состоялось заседание Совета Московской духовной академии, на котором рассматривались вопросы, связанные с преобразованием Академии по новому Уставу. На этом заседании было принято решение ходатайствовать об учреждении при Академии кафедры Естественнонаучной апологетики и о назначении ординарного профессора Дмитрия Голубинского преподавателем этой кафедры.⁵² Совет Академии ходатайствовал о выделении средств на содержание преподавателя новой кафедры. На журнале заседания Совета митрополит Иннокентий «своею рукою написал, что средства будут даны»⁵³.

Летом 1870 года в Московскую духовную академию из Санкт-Петербурга «прислано было предписание передать физический кабинет в Московскую семинарию. Но А. В. (Горский) очень основательно устроил дело: часть инструментов передана в Московскую, часть в Вифанскую семинарию, а самое существенное и главное осталось у нас», — вспоминал впоследствии Дмитрий Федорович⁵⁴.

Еще 6 июня 1870 года митрополит Московский Иннокентий сделал представление Святейшему Синоду об учреждении при Московской духовной академии кафедры Естественнонаучной апологетики. В представлении говорилось о том, что преподавание естественных наук необходимо, так как сейчас естественные науки — «источник сомнения и нападков на христианское учение»⁵⁵. Естественные науки предполагалось изучать выборочно, только то из них, что соприкасается с христианским вероучением. Содержание преподавателя кафедры митрополит брал на счет Московской епархии. Святейший Синод передал проект митрополита Иннокентия на рассмотрение Учебного комитета, который рассмотрел его 5 августа того же года.

⁵¹ Голубинский 1900. С. 105–106.

⁵² ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 33. См. также: Голубинский 1900. С. 106.

⁵³ Голубинский 1900. С. 106.

⁵⁴ Там же. С. 106.

⁵⁵ Курляндский И. А. Иннокентий (Вениамин), митрополит Московский и Коломенский. М., 2002. С. 190.

Учебный комитет при Святейшем Синоде достаточно неблагоприятно отнесся к ходатайству митрополита Московского Иннокентия. Особенно резко против проекта выступил член Комитета И. А. Чистович. Чистович полагал, что выборочное преподавание естественных наук может нанести только вред. «Профессор, знающий только кое-что из науки, которую он преподает, был бы странен в своих собственных глазах и в глазах слушателей», — утверждал он⁵⁶. В результате Учебный комитет принял компромиссное решение и в своем отзыве на проект отметил: «Учебный комитет не может признать справедливым удовлетворить ходатайство совета Московской Духовной Академии относительно введения апологетической науки в состав академического курса преподавания... но относясь с уважением к дару Преосвященного Митрополита Московского и выраженному им желанию пополнить образование, по крайней мере, желающих того академических студентов чтением из естественнонаучной апологетики... полагал бы возможным рекомендовать Совету Московской Духовной Академии допущение приватным образом для желающих студентов чтений и бесед по естественнонаучной апологетике, с представлением их бывшему профессору Голубинскому и вознаграждением его за это из епархиальных сумм»⁵⁷.

Определением Святейшего Синода от 12 октября 1870 года было дано разрешение на открытие в Московской духовной академии сверхштатной кафедры Естественнонаучной апологетики с поручением преподавания профессору Д. Ф. Голубинскому. Расходы на жалование преподавателю взяла на себя Московская епархия.⁵⁸ Жалования ему было назначено 2 000 рублей в год. Из них одну тысячу выплачивал Перервинский монастырь⁵⁹. Вместе с тем, Дмитрий Федорович как сверхштатный преподаватель не был включен в число лиц духовно-учебного ведомства, которым предоставлялись права государственной службы. Соответственно он не имел права на чин и на чинопроизвод-

⁵⁶ Там же. С. 190.

⁵⁷ Там же. С. 190–191.

⁵⁸ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 12, 14.

⁵⁹ Там же. Л. 17.

ство. По предмету естественнонаучной апологетики не писались сочинения, кандидатские работы, магистерские и докторские диссертации.

Позже, 2 октября 1876 года, по ходатайству святителя Московского митрополита Иннокентия (Вениаминова)⁶⁰ Святейший Синод назначил Д. Ф. Голубинскому дополнительно к получаемому от Московской епархии жалованью пенсию в размере $\frac{1}{2}$ от жалования ординарного профессора⁶¹. Святитель Иннокентий ценил Димитрия Федоровича Голубинского за его благочестие, честность и познания и неизменно давал ему благожелательную характеристику. Так, в ответ на формулярный вопрос в личном деле профессора Д. Ф. Голубинского: «Какого поведения и в должности исправен и надежен ли?» — святитель написал: «Честного, исправен, благонадежен. Иннокентий митрополит Московский»⁶².

27 сентября 1870 года митрополит Иннокентий служил в академическом Покровском храме, устроенном в этом году по его благословению, а потом разделал с ректором и профессорами Академии трапезу. Протоиерей А. В. Горский «за обедом в краткой речи выразил сердечную благодарность сему Архипастырю, дарующему средства “для полноты и широты Богословского образования”, и предложил тост за здоровье Владыки».⁶³

В конце октября в Академии был получен синодский указ о создании кафедры Естественнонаучной апологетики. «Помню, — вспоминал Дмитрий Федорович Голубинский в 1900 году, — ровно тридцать лет тому назад — погода была такая же пасмурная, как и теперь, — в сей самый праздник⁶⁴ получил я приглашение к Александру Васильевичу. Догадываюсь, для чего он зовет меня — и прихожу вечером. Он благословил меня и подал относящийся к учреждению новой кафедры

⁶⁰ Там же. Л. 45.

⁶¹ Там же. Л. 43.

⁶² Там же. Л. 9.

⁶³ Голубинский 1900. С. 106.

⁶⁴ Дмитрий Федорович Голубинский читал свой доклад «Участие протонерея А. В. Горского в деле учреждения при Московской Духовной Академии кафедры естественнонаучной апологетики» 22 октября 1900 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери.

присланный из Святейшего Синода указ, к которому приложено было о сем предмете заключение Учебного комитета. А. В. продолжал заниматься своими делами, а я молча читал сии бумаги. “Довольны ли вы?”, — спросил он меня. “Очень доволен”, — ответил я, прочитав указ. Но сам А. В. не очень доволен был тем, что Учебный комитет несочувственно отнесся к делу естественнонаучной апологетики. С 31 октября 1870 года начались мои лекции по сему предмету»⁶⁵.

Дмитрий Феодорович Голубинский всегда высоко чтит святителя Иннокентия (Вениаминова). В произнесенном 31 марта 1880 года (в первую годовщину со дня преставления святителя Иннокентия) слове на месте погребения святителя Иннокентия в Духовской церкви Лавры, Дмитрий Феодорович Голубинский говорил, в частности: «Он, объехавший вокруг земного шара, не по книгам, не по книгам только, но по опыту знакомый с разнообразными явлениями природы и действиями их, хорошо понимавший значение их для души человека, ясно видел, сколь важно учение о природе для целей богословского образования. Он самым делом оправдал свои убеждения в этом. Да, митрополиту Иннокентию обязана здешняя Академия осуществлением мысли об учреждении класса естественных наук, направленного к апологетической цели, то есть к защите от нападений неверия и к разъяснению истин христианства. И много других благодетний видела Академия от архипастыря»⁶⁶.

4. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНОЙ АПОЛОГЕТИКИ

Дмитрий Феодорович Голубинский преподавал естественнонаучную апологетику в Московской духовной академии до самой своей кончины. Курс его состоял из лекций по физике (с элементарными сведениями по химии) и астрономии. Главной целью своих лекций профессор ста-

⁶⁵ Голубинский 1900. С. 106–107.

⁶⁶ Голубинский Д. Ф. Памяти Московского митрополита Иннокентия. Слово на день кончины высокопреосвященного Иннокентия, митрополита Московского // ДЧ. 1880. Ч. 2. С. 107.

вил доказательство бытия Божия через показание целесообразности устройства звездного мира и системы законов физики и химии. В ежегодном отчете о занятиях профессоров обычно говорилось: «Сверхштатный преподаватель естественнонаучной апологетики, профессор Димитрий Голубинский, со студентами 1-го курса после вступления и объяснения задачи своего предмета разбирал вопросы о значении для богословия точных исследований физических явлений, о значении веры для знания и о целесообразном устройстве мира. Далее преподавал физический отдел о строении вещества и силах природы, с указанием на связь и высокий порядок в явлениях. Наконец, предлагал сведения о небесных светилах с опровержением гипотез, допускавших самообразование мира»⁶⁷. Об успехах студентов Голубинский докладывал ректору Академии в таких словах: «Студенты вообще посещают лекции по моему предмету усердно и слушают внимательно. Замечательно, что они хорошо понимают и усваивают мною преподаваемое»⁶⁸. Поскольку среди студентов Академии находились желающие изучать арифметику, то Совет Академии своим определением от 10 сентября 1880 года поручил Дмитрию Федоровичу Голубинскому заниматься с желающими и этим предметом⁶⁹. В 1882—1883 году занятия по арифметике посещали 25 студентов⁷⁰. Это было связано с тем, что выпускникам академии порой приходилось преподавать в семинариях физику и математику. Если физику они могли, помимо семинарского курса, изучать на занятиях Д. Ф. Голубинского по естественнонаучной апологетике, то их познания по арифметике (математике) ограничивались семинарским курсом. Отсюда понятен интерес студентов к дополнительным занятиям математикой.

Протоиерей Александр Васильевич Горский неоднократно посещал лекции Дмитрия Федоровича по естественнонаучной апологетике и относился к ним с большим участием. «Помню, — вспоминал Димитрий Федорович, — в его присутствии на одной лекции я объяснял

⁶⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 94.

⁶⁸ Там же. Л. 83.

⁶⁹ Там же. Л. 68.

⁷⁰ Там же. Л. 70.

приливы и отливы в океанах; он так заинтересовался этим, что после, при свидании, завел разговор о сем вопросе. Бывал иногда А. В. и в физическом кабинете. Так, в марте 1873 года много дней стояла ясная и безоблачная погода; в один из таких дней А. В. рассматривал производимые при закрытых ставнях опыты с солнечным микроскопом, а за сим обратил особенное внимание на мои слова о том, как при помощи таковых опытов опровергается гипотеза самопроизвольного зарождения живых тварей»⁷¹.

23–30 апреля 1875 года Московскую духовную академию по поручению Святейшего Синода ревизовал архиепископ Литовский Макарий (Булгаков). Ректор протоиерей А. В. Горский рекомендовал ревизору в особенности двенадцать профессоров Академии, среди них и Д. Ф. Голубинского, согласно рекомендации Горского, «неутомимого ревностно к преподаванию своей науки, которой содержание и направление сам должен был определить тщательным изъяснением законов и их действий под управлением Промышления Божественного, охранением библейского учения о Творце мира от материалистических воззрений»⁷². Архиепископ Макарий два раза посетил лекции Д. Ф. Голубинского по естественнонаучной апологетике и остался доволен увиденным и услышанным. Протоиерей Александр Васильевич Горский оставил в своем дневнике запись, что архиепископ Макарий «говорил о представлении Д. Ф. Голубинского к уравнению оклада профессорского с прочими, о своем намерении рекомендовать учреждение класса естественнонаучной апологетике и в других Академиях»⁷³. Неизвестно, предприняли архиепископ Макарий какие-либо шаги для исполнения своего намерения.

Помимо лекций Дмитрий Федорович писал и публиковал апологетические статьи, в которых также опирался на данные естественных наук. В 1878 году он произнес на годичном акте Московской духовной

⁷¹ Голубинский 1900. С. 107.

⁷² Рекомендации ректора Академии прот. А. В. Горского о наставниках Академии, представленных ревизору преосвященному Макарию, митрополиту Московскому // У Троицы в Академии 1914. С. 484.

⁷³ Горский А. В., прот. Дневник: [3 июля 1860–28 апреля 1875 г.] / Изд. с примеч. прот. С. К. Смирнова // ПрибТСО 35. 1885. Кн. 1. С. 267–268 (1-я пагин.).

академии речь «О соотношении с условиями жизни». По-прежнему он публиковал апологетические статьи. Они появлялись как в «Душеполезном чтении», так и в других духовных журналах. Из-под его пера появились статьи «О замерзании воды в связи с учением о конечных причинах (против Тиндаля)», «О кругообращении крови», «Органы слуха и голоса», «Христианские размышления о суточных и годовых переменах на земном шаре», «О затмениях солнца и луны», «О различии климатов», «Премудрое устройство органов дыхания», «Чем держится земля в пространстве», «О изучении видимой природы в духе святой веры». Много неприятностей доставила Дмитрию Федоровичу его статья «Книга Секки “Единство физических сил” и тенденции вятского издания ее на русском языке», изданная в журнале «Православное обозрение»⁷⁴ и отдельным оттиском. Автор книги «Единство физических сил» иезуит Секка написал ее в духе христианской естественнонаучной апологетики. Однако при переводе книги на русский язык она была значительно искажена и приобрела антирелигиозную направленность. Дмитрий Федорович Голубинский в своей статье выступил против такого произвола. В результате он был обвинен либеральной прессой в иезуитизме! Был пущен слух, что он сочувствует иезуитам и переписывается с иезуитом князем Гагариным. Правдой было лишь то, что князь Гагарин действительно написал Голубинскому сочувственное письмо после выхода его статьи против вятского издания книги Секки.

В 1895 году вышло «Открытое письмо к N. N. По поводу вопросов о творении мира Д. Ф. Голубинского», изданное вскоре и отдельным оттиском. Причиной написания «Открытого письма» стало полученное редакцией академического журнала «Богословский вестник» письмо одного пожилого человека, расстроенного высказываниями внука. Внук говорил: «Люди настолько созрели и окрепли духовно, что не нуждаются ни в каких подпорках для движения вперед: единственный их руководитель — наука», что «само богословие пасует перед наукой». В ответном открытом письме Д. Ф. Голубинский подверг критическому анализу высказывания внука, доказывая его элементар-

⁷⁴ ПО. 1875. Т. 1, 2.

ное невежество в вопросах религии. Для восполнения этого пробела в образовании Дмитрий Федорович рекомендовал прочесть книги профессора В. Д. Кудрявцева-Платонова. Для самого Дмитрия Федоровича никаких противоречий между естественными науками и богословием существовать не могло: «В природе, — говорил он, — мы находим естественное откровение о Творце мира, а в Слове Божием нам даровано сверхъестественное откровение; одно другому не может противоречить»⁷⁵.

Дмитрий Федорович писал также рецензии на сочинения, представленные на соискание премий. Например, в 1891 году он составил рецензию на книгу преподавателя Одесской духовной семинарии Александра Скородинского «Православная Пасхалия применительно к программе, утвержденной Святейшим Синодом для преподавания Пасхалии в Семинариях» (Одесса, 1890). За эту рецензию Д. Ф. Голубинский получил письмо с выражением признательности от лица Учебного комитета⁷⁶.

Дмитрий Федорович нередко выступал на памятных мероприятиях со словами или воспоминаниями, посвященными памяти почивших, которых он лично знал. Потом часто эти слова-воспоминания печатались в журналах и в виде брошюр. Так, появились воспоминания о протоиереях П. С. Делицине, А. В. Горском, Д. В. Разумовском, Д. Ф. Касицыне, профессоре В. Д. Кудрявцеве-Платонове, архиепископе Алексии (Лаврове-Платонове), архиепископе Амвросии (Ключареве). Неоконченной осталась его статья об алтайском миссионере архимандрите Макарии (Глухареве), с которым переписывался еще его отец протоиерей Феодор Голубинский.

Труды Дмитрия Федоровича Голубинского высоко ценились академическим начальством и митрополитами Московскими. Митрополит Сергей (Ляпидевский) указывал, что Д. Ф. Голубинский «своей отлично-усердною и полезною службою приобрел право на особенное внимание начальства»⁷⁷. В мае 1898 года не имевший никакого чина

⁷⁵ Голубинский 1895. С. 2.

⁷⁶ ЦИИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 100.

⁷⁷ Там же. Л. 81.

Дмитрий Федорович по ходатайству митрополита Московского Сергия (Ляпидевского) удостоен был чина действительного статского советника⁷⁸. Митрополит Сергей в представлении к этому чину писал о Дмитрие Федоровиче, в частности, что он «с 1877/1878 года принимал постоянное участие в комиссиях по производству переводных и выпускных экзаменов⁷⁹, рассмотрении сочинений, представленных на премии, состоял членом Ревизионного комитета по проверке экономических отчетов Академии»⁸⁰. Митрополит Сергей также указывал на то, что Дмитрий Федорович «весьма полезную деятельность проявлял в звании председателя Совета братства преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Академии, которым он состоит с 1891 года. Благодаря его стараниям значительно увеличился и неприкосновенный капитал братства; сумма же выдаваемых пособий почти удвоилась»⁸¹, «кроме того он оказывает добрый пример наставникам и студентам своею набожностью и благочестивою жизнью»⁸². Это был давно заслуженный чин. Все профессора Академий, достигшие пожилых лет, получали чин статского советника. В Академии желали, конечно, чтобы Дмитрий Федорович Голубинский был удостоен и звания заслуженного ординарного профессора. Согласно Уставу духовных академий, сверхштатный преподаватель не мог быть «заслуженным». И вот в 1901 году представление Совета Московской духовной академии и митрополита Московского Владимира (Богоявленского) было уважено Святейшим Синодом, который удостоил «Димитрия Голубинского, в виде изъятия из действующего академического Устава, звания заслуженного ординарного профессора академии в уважение его 47-летней службы при Академии в штатной и сверхштатной преподавательской деятельности»⁸³. Присланный в Академию синодальный указ о присвоении Дмитрию Федоровичу

⁷⁸ Там же. Л. 84.

⁷⁹ Интересно, что Д. Ф. Голубинский, как и его отец, на экзаменах конспектировал ответы студентов.

⁸⁰ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 81 об.

⁸¹ Там же. Л. 81 об.

⁸² Там же. Л. 82.

⁸³ Там же. Л. 86.

звания заслуженного ординарного профессора датирован 3 сентября 1901 года⁸⁴.

Одной из характерных черт Д. Ф. Голубинского было стремление постоянно пополнять, совершенствовать свои знания. Он очень много читал, как на русском, так немецком и французском языках. Кроме того, он не считал ниже своего достоинства посещать лекции коллег-профессоров. «Необходимым считалось и учить, и учиться, — вспоминал Н. Н. Глубоковский. — Вот почему не казалось ненормальностью и никого не поражало, что в свободные часы один профессор иногда бывал на лекции у другого, как это нередко случалось по отношению к В. О. Ключевскому и Ал. П. Лебедеву со стороны благочестивейшего Д. В. Голубинского, но в свою очередь и его — достойного сына своего славного отца-философа прот. Феодора Александровича — охотно посещали все студенты на уроках и на опытах, хотя он и читал небязательный предмет “естественнонаучной апологетики”, восторженно раскрывая премудрость и благодать Божию в мироздании, в устройстве и в явлениях вселенной»⁸⁵.

5. ДИМИТРИЙ ФЕОДОРОВИЧ ГОЛУБИНСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СТУДЕНТОВ

Как относились к Димитрию Федоровичу его студенты? В сохранившихся воспоминаниях бывших студентов Академии есть, в частности, и воспоминания о нем. Митрополит Евлогий (Георгиевский) в мемуарах «Путь моей жизни» рассказывает: «Если дух учебного заведения в какой-то мере зависит от личности главного начальствующего лица, то личность преподавателей воздействует на учащихся независимо от предметов, которые они преподают. В Академии были преподаватели, которые запомнились не только как лекторы — специалисты своего предмета, но и как люди»⁸⁶. Рассказав далее про В. Д. Кудрявцева,

⁸⁴ Там же. Л. 86.

⁸⁵ Глубоковский Н. Н. За тридцать лет // У Троицы в Академии 1914. С. 743.

⁸⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М., 1994. С. 43.

митрополит Евлогий продолжает: «Замечательный человек был и профессор Дмитрий Федорович Голубинский (сын знаменитого философа протоиерея Ф. А. Голубинского). Он читал естественнонаучную апологетику — предмет, который ему было поручено читать пожизненно. Это был живой святой. Он напоминал юродивого. Одевался плохо, носил костюм фасона прошлого века; был другом всей нищей братии в Сергиевском Посаде, которая ходила за ним толпой. Каждое утро он молился у гроба преподобного Сергия. Смирением он отличался необычайным.

Один студент приехал впервые в Академию, вошел в ворота и видит: невзрачный старичок... Студент ему и крикнул: “Сторож! Донеси-ка мои чемоданы!” Старичок донес. А потом на экзамене — о ужас! — он за экзаменационным столом...

Был Д. Ф. Голубинский большой любитель астрономии. В морозную звездную ночь, весь завернутый в платки, уставит, бывало, на дворе телескоп и зовет нас: “Идите, идите смотреть, луна видна, горы на ней...”

Помню, показывал он нам волшебный фонарь — портреты знаменитых людей: профессоров, ученых, святителей... а потом показал Малешота, Карла Фогта, Штрауса... и при этом сделал заключение: “Смотрите, как неверие и соединенная с ним безнравственная жизнь искажает лицо человека”. Студентам это показалось убедительным, и они разразились аплодисментами. Все над ним подсмеивались, а благотворное влияние он все же оказывал. Когда он умер, вся посадская беднота его оплакивала»⁸⁷.

История об абитуриенте, которому Д. Ф. Голубинский донес чемоданы, известна по нескольким источникам. Хорошо знавший Дмитрия Федоровича С. С. Глаголев считает ее анекдотической. «Несомненно этого не было, — пишет он, — и не потому что Дмитрий Феодорович считал унижительным оказать подобную услугу семинаристу. В этом он унижительного по своим принципам видеть не мог. А потому что этим он поставил бы потом в крайне унижительное положение этого семинариста. Теперь за скромность Дмитрия Феодоровича расплачивается

⁸⁷ Там же. С. 44.

какой-то фантастический X, а тогда из года в год имя злополучного семинариста переходило бы из уст в уста. Дмитрий Феодорович не мог допустить этого. Он держал себя *правильно* — в лучшем смысле этого слова»⁸⁸.

Вспоминает о Дмитрие Феодоровиче Голубинском и другой его студент — архиепископ Николай (Зиоров). «Был еще профессор сверхштатный, Дмитрий Феодорович Голубинский, сын знаменитого в свое время философа — протоиерея о. Фед. Голубинского. Это был старый холостяк. Жил отшельнически.... В старомодном сюртуке, с платком на шею вместо галстука, с цветным носовым платком в руках, идущий всегда торопливо, с низкими поклонами всем встречным, с речью всегда возвышенно-напыщенной, он являлся уже среди нарождавшейся молодой профессуры каким-то анахронизмом. Читал он “Естественнонаучную апологетику”. Каждую лекцию он заканчивал словами: “Итак, нельзя не видеть в этом премудрости и благодати Божией”. Случился однажды курьез: делая какой-то опыт над электрической машинкой, он никак не мог заставить упрямую машинку подчиниться его влиянию. И вот, когда, утомленный безуспешностью дела, он сказал, нагнувшись к машинке: “Тем не менее, нельзя не видеть премудрости и благодати Божией и в этом”, — вдруг какая-то пружина быстро выскочила и хлопнула Дм. Фед. по носу. Мы все расхохотались, но он, видимо, довольный и весь улыбаясь, сказал: “И все-таки опыт, можно сказать, удался!” Дм. Феодорович вечно сидел в своем физическом кабинете и делал опыты. Иногда вечером выносил телескоп и показывал нам луну и звезды. Тут тоже бывало немало смеху и забавы. Кто-нибудь из студентов на его вопрос: “Что вы видите?” — серьезно отвечает: “Вижу репейник на Марсе” или что-нибудь в этом роде. Дмитрий Фед. озабоченно берет телескоп, всматривается и начинает делать свои научные догадки»⁸⁹.

Наблюдать за небесными светилами Дмитрий Феодорович очень любил. Он охотно допускал к телескопу студентов и лаврских монахов, давая подробные объяснения. Как вспоминал С. Горский, «многие

⁸⁸ *Глаголев 1914. С. 134.*

⁸⁹ *Николай (Зиоров), архиеп. Мои воспоминания о Московской Духовной Академии (К столетнему юбилею). Варшава, 1914. С. 7.*

из его случайных слушателей были несомненно равнодушны к тайнам неба; но их привлекал к себе тот необыкновенный старик, который с такой любовью рассказывал им о каком-нибудь светиле, что невозможно было не выразить так или иначе своего сочувствия к рассказу. Помню, как один из лаврских монахов пожелал посмотреть в телескоп, но когда до него дошла очередь, то или телескоп оказался по неосторожности сдвинутым с места, или луна, которую наблюдали тогда, успела уже выйти из поля зрения; долго монах смотрел в телескоп и, наконец, отошел, произнеся со вздохом: «Дивны дела Твоя, Господи». Тут же, конечно, выяснилось, что он ничего видеть не мог, и Димитрий Феодорович тотчас же навел телескоп на луну и предложил монаху посмотреть еще раз. В этом случае характерна невинная ложь монаха, к которой он прибег, не желая, очевидно, огорчать Димитрия Феодоровича заявлением, что в телескоп ничего не видно»⁹⁰.

6. ВОПРОС РЕФОРМЫ КАЛЕНДАРЯ В ТРУДАХ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

Димитрий Феодорович Голубинский значительное внимание уделял календарной проблеме. Плодом его трудов стала серия статей «Вопрос об уравнивании года гражданского с астрономическим» в «Московских ведомостях», изданная затем отдельной книгой⁹¹. Голубинский решительно не поддерживал идею перехода на новый стиль (григорианский календарь). «Разбирая вопрос о новом стиле с разных сторон, мы не в одной из них не найдем основательных причин для перемены старого стиля на новый»⁹². «Для Церкви Православной, верной духу

⁹⁰ Горский С. Памяти Димитрия Феодоровича Голубинского // У Троицы в Академии 1914. С. 648.

⁹¹ Голубинский 1899. В библиотеке Московской духовной академии имеется экземпляр этой книги с автографом самого Д. Ф. Голубинского. Димитрий Феодорович является также автором статьи «О времени празднования Пасхи у христиан Востока и Запада», напечатанной в апрельском номере «Богословского вестника» за 1892 год (БВ. 1892. Т. 2. № 4. С. 73–88 (2-я пагин.)).

⁹² Там же. С. 62.

древних правил, принятие григорианского календаря в его полном виде является решительно невозможным», — полагал он⁹³. Вместе с тем Голубинский считал, что «более точное уравнение года гражданского с астрономическим весьма желательно»⁹⁴. В календарном вопросе он был сторонником астронома И. Медлера, который предлагал реформу григорианского календаря⁹⁵. Предложение Медлера состояло в том, чтобы превращать очередной високосный год в обычный через равный период в 128 лет⁹⁶. Это предложение давало возможность частично избежать свойственных григорианскому календарю недостатков. Дмитрий Федорович Голубинский предлагал с 1940 года (год окончания 14-го великого индиктиона) заменить юлианский и григорианский календари единым «медлеровским»⁹⁷. Впрочем, сам Голубинский отмечал, что медлеровский способ, вероятно, был известен задолго до Медлера. «Когда мы учились в Московской Духовной Академии (1850—1854 гг.), наш уважаемый профессор, преподававший сорок пять лет (1818—1863) математические науки, протоиерей Петр Спиридонович Делицын ознакомил нас с этим способом»⁹⁸. Д. Ф. Голубинский, считая желательной реформу календаря, призывал в то же время к осторожности в деле реформы, «ибо история григорианского календаря с его ошибками побуждает нас к величайшей осторожности в делах подобного рода»⁹⁹. После кончины Василия Васильевича Болотова в 1900 году Дмитрий Федорович Голубинский являлся представителем Святейшего Синода в комиссии по календарному вопросу при Академии наук.

Дмитрий Федорович считал, что «должно строго отличать вопрос об уравнении года гражданского с астрономическим от вопроса о принятии

⁹³ Там же. С. 61.

⁹⁴ Там же. С. 10.

⁹⁵ См.: *Медлер И.* Краткая астрономия / Перевод с немецкого под редакцией А. Путьты. СПб., 1862.

⁹⁶ Таким образом, каждый период в 128 лет имел бы не 32 високосных года, как в юлианском календаре, а 31 високосный год.

⁹⁷ При этом он предлагал отменить систему индиктионов и высчитывать даты празднования Пасхи каждый период в 128 лет заново.

⁹⁸ *Голубинский 1899.* С. 18. Примечание.

⁹⁹ Там же. С. 66.

нового стиля. Первое желательно, второе вредно. Ибо те в делах церковных нововведения, какие по необходимости влечет за собою новый стиль, будут смущать и соблазнять многих людей из русского народа. И раскольники обратят особенное внимание на таковые перемены, будут насмехаться над православными, укорять их в новшествах, а также в невоздержании и чревоугодии, указывая на то, что начинающийся в конце декабря мясоед увеличен, Петров же пост уменьшен почти на две недели. Люди слабые во всем этом увидят побуждение к переходу из Церкви в раскол. Даже и преданные Православной Церкви будут колебаться в мыслях и с ропотом отнесутся к нововведениям»¹⁰⁰.

7. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

Отличительными особенностями Дмитрия Федоровича были удивительное смирение, чрезвычайная набожность и исключительная добродетель. По воспоминаниям С. Горского, «Димитрий Федорович был чрезвычайно религиозен: он не пропускал ни одной службы в академической церкви, становился особняком от других профессоров, которые иногда не прочь были поговорить друг с другом во время богослужения, и весь уходил в молитву. Для всех совершенно очевидно было, что в эти минуты он совсем уходил ввысь от окружающей его обстановки, погружаясь в умирительно молитвенное созерцание. Это умиленное состояние до такой степени выражалось на его лице, что я не помню случая, чтобы кто-нибудь обратился к нему во время богослужения с каким-либо разговором. Очевидно было, что для того, чтобы заговорить с ним, надо было грубо вернуть его из области, где витал его дух, к действительности, и простая деликатность мешала сделать это»¹⁰¹. С. Фарфаровский¹⁰² вспоминал: «Изумляла... всех знавших Димитрия

¹⁰⁰ Там же. С. 72–73.

¹⁰¹ Горский 1914. С. 648–649.

¹⁰² Дед С. Фарфаровского служил священником в Сергиевом Посаде и являлся духовником Д. Ф. Голубинского, сам автор воспоминаний, учился в Вифанской семинарии.

Федоровича его удивительная, непосредственная религиозность. “Ну, Дмитрий Федорович едет в Москву или в Хотьково”, — говорил дед, увидя сгорбленную, но довольно бодрую фигуру своего друга в необычное время, т. е. утром, направляющегося к маленькому дому, надевал епитрахиль и шел навстречу Дмитрию Федоровичу. Оба шли молиться. Дмитрий Федорович на коленях слушал молебен путешественникам, затем уже шел на поезд и ехал. На другой день — путешествие его было недолгим — служился благодарственный молебен по случаю благополучного возвращения»¹⁰³.

Благотворительность Дмитрия Федоровича еще при жизни обросла легендами. Бедняки следовали за ним толпами, так что Дмитрий Федорович, не имея порой, что подать, вынужден был скрываться от них, пробираясь в нужный ему дом задаями. Помимо личной, часто тайной, благотворительности, он занимался и общественной. В 1880 году было открыто Братство преподобного Сергия Радонежского для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской духовной академии. Дмитрий Федорович с самого основания являлся членом Совета Братства и его казначеем. В 1889 году «во уважение к постоянному и плодотворному участию его в делах Братства со времени основания его последнего»¹⁰⁴ он был избран почетным членом Братства.

Первым председателем Совета братства был епископ Можайский Алексий (Лавров-Платонов). Фактически же работу Совета возглавлял товарищ председателя профессор Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов. В связи с назначением в 1885 году на Литовскую кафедру епископ Алексий сложил с себя обязанности председателя. Председателем стал Кудрявцев-Платонов. После его кончины в 1891 году председателем Совета братства избран Д. Ф. Голубинский. Вспоминая о деятельности Д. Ф. Голубинского на посту председателя Совета братства, профессор Московской духовной академии П. Цветков писал: «Дмитрий Феодорович не был человек инициативы, и во все время

¹⁰³ Фарфоровский С. Памяти профессора Московской Духовной Академии Д. Ф. Голубинского // У Троицы в Академии 1914. С. 652.

¹⁰⁴ Цветков П. Братство преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам Московской Духовной Академии в первое двадцатипятилетие (1800–1905). СТСЛ, 1905. С. 31.

его председательствования в Совете Братства обязательным руководством для него служили пример и заветы его предшественника. При обсуждении каких-либо серьезных дел он обыкновенно ставил вопрос: «Как в подобных случаях поступал Виктор Дмитриевич?» — и то, что сделал Виктор Дмитриевич, имело решающее значение»¹⁰⁵. В то же время П. Цветков не мог не признать справедливость того, «что в 11 лет председательствования Дмитрия Феодоровича совершилось немало важного и полезного в Братстве»¹⁰⁶. После кончины Дмитрия Феодоровича Совет братства приступил к сбору средств для учреждения в Московской духовной академии именной стипендии памяти Д. Ф. Голубинского. Дмитрий Феодорович иногда, не видя возможности оказать помощь нуждающемуся из средств Братства, давал ссуду из своих собственных средств.

8. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

В 1903 году здоровье Дмитрия Феодоровича резко пошатнулось. 1 сентября он подал прошение в Совет Академии: «Вследствие расстройства моего здоровья и ослабления моих сил, а вместе и по настоятельным советам пользующих меня врачей, я нахожу необходимым для себя воздержаться от продолжительных и усиленных занятий. Посему покорнейше прошу Совет Академии дозволить мне вместо четырех лекций, которые имел я в предшествующем учебном году, ограничиться в течение настоящего учебного года одною лекциею на втором курсе и одною на первом. Причем желательно, чтобы в распределении лекций на втором курсе значилась одна лекция, а на первом, на всякий случай, две лекции. Еще покорнейше прошу Совет Академии о том, чтобы мои лекции падали на средние, а не на самые последние часы»¹⁰⁷.

Скончался Дмитрий Феодорович Голубинский 23 ноября 1903 года после продолжительной болезни. За несколько минут до своей кончи-

¹⁰⁵ Там же. С. 113.

¹⁰⁶ Там же. С. 113.

¹⁰⁷ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 5049. Л. 87.

ны он причастился Святых Христовых Таин. Погребли его на академическом кладбище.

9. ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ АПОЛОГЕТИКИ ПОСЛЕ КОНЧИНЫ Д. Ф. ГОЛУБИНСКОГО

К сожалению, после кончины Дмитрия Федоровича кафедра Естественнoнаучной аполoгeтики в Московскoй духовнoй академии была упразднена. Однако упразднение кафедры не означало, что рассматриваемые этим предметом вопросы перестали изучаться в Академии. Так, в частности, вопросы естественнoнаучной аполoгeтики разбирал в своих лекциях и научных исследованиях профессор Московскoй духовнoй академии Сергей Сергеевич Глаголев¹⁰⁸. С 1892 года он занимал в Академии кафедру Введения в круг богословских наук, в 1910 году переименованную в кафедру Основного богословия. В 1896 году Глаголев защитил магистерскую диссертацию «О происхождении и первобытном состоянии рода человеческого» (М., 1894), в которой дал критику теории Дарвина и других эволюционистов. В 1901 году он защитил докторскую диссертацию «Сверхъестественное Откровение и естественное Богопознание вне истинной Церкви» (Харьков, 1900). Для естественнoнаучной аполoгeтики особенно значима вторая часть этого труда: «Естественное богопознание». Глаголев утверждал, что наука и религия не противоречат друг другу, что научные открытия «лишь подтверждают истинность христианства, обнаруживая все богатство и многообразие божественного творения»¹⁰⁹. В 1913 году в Москве была издана книга С. С. Глаголева «Естественнoнаучные вопросы в их отношениях к христианскому миропониманию». В этом со-

¹⁰⁸ Глаголев окончил МДА в 1889 году и был оставлен при ней профессорским стипендиатом. В 1890–1892 гг. преподавал в Вологодской ДС. В МДА преподавал с 1892 г. до ее закрытия. В годы советской власти подвергался репрессиям. Расстрелян 10 октября 1937 года. Подробнее см. статью А. Т. Казаряна: Глаголев С. С. // ПЭ 11. 2006. С. 536–539.

¹⁰⁹ Там же. С. 537.

чинении рассматриваются вопросы о существовании жизни на Марсе, теории наследственности Г. Менделя и пр. Следует отметить также книгу Глаголева «Материя и дух» (СПб., 1906).

После возрождения Московской духовной академии в советское время существование предмета «Естественнонаучная апологетика» было невозможным. Много для христианской апологетики делалось в рамках предмета «Основное богословие» профессором Алексеем Ильичом Осиповым. В его лекциях, беседах и выступлениях показывалась ограниченность компетенции естественных наук, невозможность научного доказательства небытия Бога, непротиворечие богословия и естественных наук.

В последние годы в рамках реформы духовного образования в Московских духовных школах было признано желательным ознакомление студентов с современной научной картиной мира, с методами естественнонаучных исследований и естественнонаучной апологетики. В связи с этим в 2007 году в Московской духовной семинарии введен предмет «Естественнонаучная апологетика», который преподает священник Олег Мумриков. Таким образом, через 104 года «утерянный» предмет был восстановлен, но эта реабилитация ждет своего подтверждения на более высоком уровне Академии и соотнесения с Болонскими программами, по которым, возможно, предстоит осуществлять богословское образование Русской Православной Церкви в ближайшем будущем.

ЛИТЕРАТУРА

Глаголев 1914 — Глаголев С. С. Протоиерей Феодор Александрович Голубинский // Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню ее столетнего юбилея (1814–1914). СПб, 1914.

Голубинский 1895 — Голубинский Д. Ф. Открытое письмо к NN. (По поводу вопросов о творении мира). СПб, 1895.

Голубинский 1899 — Голубинский Д. Ф. Вопрос об уравнивании года гражданского с астрономическим. По поводу ошибок, замечаемых в григорианском календаре. М., 1899.

ОТДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ, СТАТЬИ И ПУБЛИКАЦИИ

Голубинский 1900 — *Голубинский Д. Ф.* Участие протоиерея А. В. Горского в деле учреждения при Московской Духовной Академии кафедры естественнонаучной апологетики // Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти. СТСЛ, 1900.

Модестов 1914 — *Модестов С. С.* Из воспоминаний. Прохождение академического курса (1852—1856 гг.) // У Троицы в Академии 1914. С. 112—130.